

Гу Хуайцин нарочито фыркнул:

— Ай, разве я не боюсь, что тот деревянный Дуань дело не раскроет? Вижу, Вдовствующая императрица встревожена, госпожа маркиза Юнъяня к вам со слезами прибегает. Я лишь хочу ум свой приложить, чтобы ваше величество от забот отдохнуло!

Сяо Цзин тонкие брови приподнял:

— О? Хуайцин, и вправду лишь о моём покое печёшься? А не о том ли, чтобы из дворца на волю вырваться?

Гу Хуайцин с обидой запротестовал:

— Что за интерес в Академии Цзиньцзян, в глухоты той? Не будь вашего величества, потащился бы я в это гиблое место, мучиться? Конечно, господин Дуань способен, но с моей помощью он точно крылья обретёт, дело быстрее раскроет, и Вдовствующая императрица с вашим величеством успокоится.

Я предан вашему величеству всей душой — одно небо в свидетели! А вы в моих помыслах сомневаетесь, вот как обидно-то!

Гу Хуайцин надул губы, изображая крайнюю степень обиды.

Любовь Сяо Цзина к Гу Хуайцину длилась уже десять лет, став привычкой. Не сказать, чтобы он во всём ему потакал, но отказывал редко. Услышав такие слова, император не мог не согласиться — неудобно выходило.

— Что ж, я согласен, — сказал Сяо Цзин. — Но что мне за то будет?

Гу Хуайцин улыбнулся:

— Разве ваше величество не собирает картины с лотосами? Слышал, великий мастер каллиграфии и живописи Ли Сянь в Академии Цзиньцзян преподаёт. Характер, правда, у него странный: часто работу закончит — и тут же порвёт. Потому-то в мире его произведений и осталось мало. Я постараюсь уговорить учителя Ли написать для вашего величества картину с лотосами.

Гу Хуайцин вспомнил великолепие Пруда Тысячи Лотосов: лунный свет над озером, аромат розовых цветов... Зрелище наверняка выйдет прекрасным.

Сяо Цзин усмехнулся. Во дворце и так лotosовых картин немало, но дорога была сама забота Гу Хуайцина.

— Ладно, уважу, — сказал император. — Но даю тебе лишь десять дней. Через десять дней, раскрыто дело или нет, — возвращайся во дворец.

Срок, конечно, тесноват, но вроде бы достаточный. Гу Хуайцин кивнул:

— Через десять дней — день рождения вашего величества, я непременно вернусь.

Едва получив разрешение Сяо Цзина и понимая, что время поджимает, Гу Хуайцин покинул дворец и помчался напрямиком в Усмирительное ведомство Цзиньивэй. Там ему сообщили, что Дуань Минчэнь отбыл более часа назад.

Не мешкая, Гу Хуайцин развернул коня и поскакал во весь опор по дороге к Пику Письменной Кисти.

Он знал: Гвардия в парчовых халатах действует быстро и слаженно. Отстав на целый час, нагнать их будет трудно.

Однако, лишь выехав за городские ворота и отмахав с десятков ли, у чайной лавки под навесом он издали заметил Дуань Минчэня с подчинёнными. Те сидели в тенишке и неспешно чай попивали.

Крайне удивлённый, Гу Хуайцин осадил коня и воскликнул:

— Брат Дуань, вы что здесь делаете?

В придорожной лавке хорошего чая, понятное дело, не было. Да и тот, что имелся, после нескольких заварок стал совсем безвкусным. Тем не менее, Дуань Минчэнь медленно допил свою чашку, встал, отряхнул складки на одежде и улыбнулся:

— Тебя жду.

— Откуда ты узнал, что я догоню? — изумился Гу Хуайцин.

Уж не провидец ли он, подобный самому Чжугэ Ляну?

Уголки губ Дуань Минчэня поползли вверх. Он перешёл на шёпот, вкладывая в слова силу внутренней энергии, так что слышал его один Гу Хуайцин:

— Муж и жена — одна сатана. Разве не следуют друг за другом?

Гу Хуайцин от злости брови дыбом встали, в глазах будто искры посыпались. Ответил тем же способом:

— Какой же вздор ты несёшь!

Подчинённые Дуань Минчэня лишь видели, как двое смотрят друг на друга с нежным выражением лиц, но ни звука не произносят. Картина вышла престранная.

Гу Хуайцин ещё немного поспорил с Дуань Минчэнем мысленно, но тот в полной мере проявил свою хитрость и толстокожесть. Переспорить его не вышло, а прилюдно драться — не пристало. Пришлось Гу Хуайцину сердито хлестнуть коня и умчаться вперёд.

Дуань Минчэнь вдоволь повеселился. Каждое движение Гу Хуайцина, каждая улыбка были прекрасны. Даже в гневе он оставался очаровательным. На него невозможно было насмотреться.

Конь Дуань Минчэня, Тёмная Туча в Снегах, был силён и вынослив. Он без труда догнал Гу Хуайцина и неспешно последовал за ним, выдерживая дистанцию.

Чуть погодя, когда Дуань Минчэнь решил, что гнев Гу Хуайцина уже поутих, он пришпорил коня и поравнялся с ним.

— Не сердись, я же пошутил, — мягко сказал он.

— Хм! — Гу Хуайцин отвернулся, не достаивая ответом.

— Ладно, скажу как есть: я надеялся, что ты придёшь мне на помощь. Я уже материалы дела изучил — оно непростое.

Гу Хуайцин слегка смягчился. Любопытство в нём зашевелилось, но он всё ещё стискивал губы, не желая говорить.

Дуань Минчэнь ловко подвёл коня вплотную и, пользуясь моментом, ущипнул Гу Хуайцина за талию.

— Если не заговоришь, — тихо рассмеялся он, — я тебя поцелую.

— Эй!.. — Чувствительное место Гу Хуайцина отозвалось, тело на мгновение обмякло, и он едва не свалился с седла. Удержавшись, он бросил на Дуань Минчэня яростный взгляд. — И не думай!

Дуань Минчэнь, глядя на смесь стыда и гнева в его лице, рассмеялся в полный голос:

— Давай на перегонки! Посмотрим, кто первым до Пика Письменной Кисти домчится.

— Давай! Небось испугался?!

И вот на широкой прямой дороге два коня, вороной и белый, помчались вихрем, оставляя позади лишь два стройных силуэта...

С момента последнего визита прошло чуть больше месяца, но Академия Цзиньцзян изменилась до неузнаваемости, наводя на мысли о бренности всего сущего.

Два убийства подряд, особенно гибель сына маркиза Юнъяня, Янь Цзюня, потрясли и двор, и простой народ. В академии воцарилась паника, всех охватил страх. Всё здание теперь плотно охраняли солдаты, никого не выпуская и не впуская.

Дуань Минчэнь и Гу Хуайцин с их людьми, следуя императорскому указу, предъявили охране свои пропуска, и лишь тогда те их пропустили.

Едва они переступили порог, у главного зала мелькнула знакомая фигура.

— Двоюродный брат! — Фан Цзя стрелой выскочил вперёд и буквально врезался в объятия Дуань Минчэня.

— Фан Цзя, ты в порядке? — поддержал его Дуань Минчэнь, голос полон заботы.

В памяти Гу Хуайцина Фан Цзя был весёлым, беспечным юношей. Но сейчас глаза его покраснели, веки припухли — явно он много и горько плакал.

Семья Фан Цзя уже прислала экипаж, чтобы забрать его. Однако после этих убийств Вдовствующая императрица издала указ: академию запечатать, никого не выпускать. Логично: раз в академии одно за другим случаются убийства, все внутри становятся подозреваемыми. Пока истина не раскрыта, отпускать никого нельзя.

Но горе Фан Цзя было не от того, что его не выпускают. Он скорбел о смерти друга. Хотя он пробыл в академии недолго, с соседом по комнате, Янь Цзюнем, они успели сдружиться. Его гибель стала для Фан Цзя тяжёлым ударом.

— Двоюродный брат, Янь Цзюнь... он так ужасно погиб... — Фан Цзя нервно вцепился в рукав

Дуань Минчэня. — Когда умер Ван Цзыюй, я уже чувствовал, что дело нечисто. И вот теперь Янь Цзюнь... Всё я! Если бы я вчера не пошёл готовиться к занятиям, а остался с ним, он бы не пошёл один в Сад Снежного Аромата... и этого бы не случилось!

Дуань Минчэнь похлопал его по спине.

— Успокойся, не торопись. Теперь это дело моё и твоего брата Гу. Мы не позволим убийце уйти от возмездия.

Твёрдые, уверенные слова Дуань Минчэня вернули Фан Цзя точку опоры. Он вытер слёзы тыльной стороной руки и решительно кивнул:

— Верю вам, двоюродный брат. Если понадобится моя помощь — сделаю всё, что смогу!

Тем временем к ним подошли несколько руководителей Академии Цзиньцзян.

Ректор Ледяное Сердце, по сравнению с прошлой встречей, заметно осунулась, дух её был подавлен. Она и так была не молода, лишь тщательный уход скрывал возраст. Череду жестоких убийств легла на неё тяжким грузом: на висках пробилась седина, у глаз и на лбу прибавилось морщин.

За ней стояли заместитель директора Ли Ли и заведующий общежитием Линь Цю. Оба хмурились, лица их были исполнены тревоги.

За порогом главного зала толпились студенты в тёмных одеждах. Они перешёптывались, выглядывая украдкой, и по всему было видно: их обуяли страх и смятение.

Ужас смерти витал в воздухе. Таинственный и жестокий убийца словно меч навис над головами, и никто не знал, когда он обрушится. Каждый боялся стать следующей жертвой.

Лишь раскрыв дело как можно скорее, вытащив на свет этого жестокого и хитроумного злодея, можно было успокоить сердца и вернуть всему обычный ход.

<http://bllate.org/book/16283/1467135>